

(1) На столе в комнатухе лежали драные-передраные книги, и мне надлежало, пользуясь клеем, пачкой папиросной бумаги, газетами и цветными карандашами, склеивать рваные страницы, прикреплять к серединке оторванные, укреплять корешок и обложку, а потом обёртывать книгу газетой, на которую следовало приклеить кусок чистой бумаги с красиво, печатными буквами, написанными названием и фамилией автора.

(2) «Одегую» мной книгу Житкова «Что я видел» Татьяна Львовна признала образцовой, и я, уединившись в библиотечных кулисах, множил, вдохновлённый похвалой, свои образцы.

(3) Благоговеющая тишина, запахи книг оказывали на меня магическое действие. (4) На моём счету числилось пока что ничтожно мало прочитанного, зато всякий раз именно в этой тишине книжные герои оживали в моём воображении! (5) Не дома, где мне никто не мешал, не в школе, где всегда в изобилии приходят посторонние мысли, не по дороге домой или из дома, когда у всякого человека есть множество способов подумать о разных разностях, а вот именно здесь, в тишине закутка, ярко и зримо представляли передо мной расцвеченные, ожившие сцены, и я превращался в самых неожиданных героев.

(6) Кем я только не был!

(7) И Филиппом из рассказа графа Льва Толстого, правда, я при этом замечательно и с выражением умел читать, и, когда учитель в рассказе предлагал мне открыть букварь, я шарил все слова подряд, без ошибок, приводя в недоумение и ребят в классе, и учителя, и, наверное, самого графа, потому что весь его рассказ по моей воле поразительно менялся. (8) А я улыбался и въявь, и в своём воображении и, как маленький Филиппок, утирал мокрый от волнения лоб большой шапкой, нарисованной на картинке.

(9) Я представлял себя и царевичем, сыном Гвидона, и менял действие сказки Пушкина, потому как поступал, на мой взгляд, разумнее: тяпнув в нос или щёку сватью и бабу Бабариху, я прилетал к отцу, оборачивался самим собой и объяснял неразумному, хоть и доброму, Гвидону, что к чему в этой затянувшейся истории.

(10) Или я представлял себя Гаврошем и свистел, издеваясь над солдатами, на самом верху баррикады.

(11) Я отбивал чечётку на каком-то старом табурете, показывал нос врагам, а пули жужжали рядом, и ни одна из них не задевала меня, и меня не убивали, как Гавроша, я отступал вместе с последними коммунарами, прятался в проходных дворах. (12) Потом я ехал в родной город и оказывался здесь, в библиотечном закутке, и от меня ещё пахло порохом парижских сражений.

(13) Сочиня исправленные сюжеты, я замирал, глаза мои, наверное, останавливались, потому что, если фантазия накатывала на меня при свидетелях, я перехватывал их удивлённые взгляды, – одним словом, воображая, я не только оказывался в другой жизни, но ещё и уходил из этой.

(По А.А. Лиханову)